

Чу Лянь очень хотела спросить: неужели правда нет? В твоём убежище лежат тела бойцов.

Однако она не решилась. Е Лицин крепко сжала её руку, пальцы болезненно впились в кожу — это было приятное давление, лёгкая боль, к которой начинаешь привыкать. Лишь спустя долгое время Чу Лянь осознала природу этой боли.

— Мне очень любопытно, — Е Лицин сменила тему, — мне интересна твоя жизнь и всё, что с тобой связано. Но твоя история взросления до обидного обычна — не то чтобы счастлива, но обычна. И оттого ты мне ещё интереснее.

— А почему я вызываю у тебя любопытство? — спросила Чу Лянь.

Она понимала, что не обладает выдающимися талантами, иначе давно бы поступила в престижный вуз. Да и красотой, способной разрушить города, она не блистала — напротив, любая красавица померкла бы рядом с Е Лицин. Чу Лянь считала себя заурядной, настолько заурядной, что даже судьба, казалось, махнула на неё рукой.

— Ты меня не боишься? — спросила Е Лицин.

— А почему я должна тебя бояться?

— Ну, ты же знаешь: магия, мертвецы, если говорить прямо — призраки и прочая нечисть... Всё то, чему нет рационального объяснения, — Е Лицин задала вопрос весёлым, непринуждённым тоном.

Хотя Чу Лянь и чувствовала, что это провокация — ох уж эта вредная старуха. Если, конечно, её возраст вообще позволяет называть её старухой.

— Это лишь делает тебя ещё привлекательнее, — Чу Лянь искренне захлопала глазами, но Е Лицин, шедшая на полшага впереди, даже не обернулась, чтобы оценить её старания.

Чу Лянь начала:

— У меня есть вопрос, я...

Имя Елена часто встречается в России. Отчество Е Лицин — Ивановна, что примерно означает дочь Ивана. Значит, отца зовут Иван, если, конечно, он действительно её отец. А фамилия — Ежова.

— Ты слышала о Николае Ежове? — спросила Е Лицин.

Чу Лянь как раз пыталась разрядить обстановку, но услышала:

— Слушай.

Когда Чу Лянь спросила, как её зовут на самом деле, Е Лицин ответила. Её русское имя — Елена. Не Елизавета, не Екатерина, а именно Елена — как Елена из чеховского Дяди Вани или героиня Пути счастья Зощенко. Вопрос, мучивший Чу Лянь долгие годы, наконец получил ответ. Это было похоже на решение детской загадки о том, как засунуть слона в холодильник — долгожданный ответ оказался до смешного простым.

Она хотела утешить Е Лицин, сказать, что носить одну фамилию с одиозной исторической личностью — не такая уж беда. Хотела привести пример, что и среди людей с фамилией Чу были злодеи, но, поразмыслив, вспомнила лишь царя Чу Хуай-вана, да и тот по фамилии был Сюн.

— В 1936 году Ежов был печально известным главой НКВД. Он был главным исполнителем сталинских чисток. Но в итоге проиграл в политической борьбе Берии и был приговорён к смерти.

Многие детали воспоминаний давно стёрлись, но Чу Лянь до сих пор помнила ощущение ладони Е Лицин в своей, хотя звуки музыки у реки уже забылись.

— Маньчжурские сопки, — легко произнесла Е Лицин, чьё настроение, казалось, не испортилось от упоминания Николая Ежова. — Это была та мелодия. Она больше всего любила этот вальс, а следом всегда играла Три танкиста. На самом деле обе мелодии были написаны ещё в царские времена. Иногда мне хочется, чтобы она сыграла Катюшу или Подмосковные вечера.

— Да, — ответила Е Лицин.

— Моя подруга. Она давно умерла.

Е Лицин взглянула на Чу Лянь. Как ни странно, несмотря на полумрак, Чу Лянь показалось, что во взгляде Е Лицин сквозит презрение.

— В русских фамилиях есть разделение на мужской и женский род. Будь я мужчиной, моя фамилия была бы Ежов, — Е Лицин осторожно отпустила руку Чу Лянь и остановилась на заснеженном берегу. Вокруг было темно, лишь снег отражал слабый свет, напоминая раздувшееся тело утопленника. Вдалеке виднелся лес, откуда доносились тоскливые крики птиц.

— Я всё ещё храню твой платок, — вдруг вспомнила Чу Лянь. — На нём три буквы, сестрёнка Е, это твоё русское имя?

Чу Лянь открыла рот, готовая задать вопрос, но тут же проглотила его. Она не знала, как

начать. Может, стоило сказать: есть вопрос, не знаю, стоит ли его задавать.

Е Лицин коротко усмехнулась, будто услышала скучную шутку.

— Кто она? — спросила Чу Лянь.

Е Лицин замолчала. Поскольку она умела искривлять — или, вернее, останавливать — время, пауза затянулась. Если бы можно было описать это молчание прилагательным, Чу Лянь выбрала бы нежную печаль. Но в конце концов она ответила:

— Я раньше не учила этого по учебникам, обязательно поищу информацию, — искренне пообещала Чу Лянь.

Спасибо тебе за урок истории.

Ветер донёс с реки звуки аккордеона, словно доносившиеся из далёкого поля или леса — резкие, призрачные. Невозможно было понять, та же ли это мелодия, что звучала в детстве Чу Лянь.

— Твой отец? — Чу Лянь вспомнила, что отца Е Лицин звали Иван, и тут же поправилась: — Твой дед?

— Ты хочешь спросить, можно ли вернуть её из того мира? — голос Е Лицин внезапно похолодал.

— А, если не хочешь отвечать, то...

— Я пробовала, — сказала Е Лицин. — И лучше бы я этого не делала.

Звук аккордеона оборвался, словно это был ответ той, другой, для Е Лицин.

— Пойдём, — сказала она.

Е Лицин по-прежнему шла впереди, а Чу Лянь невольно гадала, уронит ли та сейчас слезу — красивую, вызывающую необъяснимую тоску слезу.

Но заплакала сама Чу Лянь.

Причиной тому стал внезапно яркий свет, к которому глаза не успели привыкнуть. Она потёрла веки, заодно вытирая невольные слёзы.

Она всё ещё стояла в долине. Погода была ясной, дул лёгкий ветерок, ручей журчал под ногами, а старый Фольксваген Е Лицин стоял на ровном участке.

— Думаю, здесь тебе нравится больше, — улыбнулась Е Лицин. — Солнце и всё такое. У реки Царицын слишком темно и холодно.

— Мне нравится везде, — без колебаний ответила Чу Лянь. — Лишь бы с тобой.

Е Лицин рассмеялась, её глаза превратились в полумесяцы. Она потянулась, словно хотела щёлкнуть Чу Лянь по лбу, но передумала и лишь слегка похлопала её по плечу.

— Малышка, не говори глупостей.

На самом деле Е Лицин довольно часто улыбалась. Странно, ведь в памяти Чу Лянь она всегда оставалась загадочной и холодной. Но такая Е Лицин ей нравилась ещё больше.

Потому что это было то самое единственное, что имело значение. Раньше это было лишь смутным понятием, но с возрастом и опытом образ обрёл чёткие очертания.

Я люблю.

Я люблю Е Лицин.

Любовь — коварное слово. Чу Лянь любит жареную курицу из уличных киосков, любит раков, приготовленных поваром в придорожной забегаловке (конечно, не тех, из-за которых она ссорилась с Линь Юйлин). Чу Лянь любит Линь Мэйли, любит Линь Юйлин, любит Е Лицин.

Но Е Лицин была особенной.

— Я не говорю глупостей. Мне уже двадцать, я совершеннолетняя, — хихикнула Чу Лянь.

Улыбка Е Лицин слегка померкла.

— Я не хороший человек.

— Плохие люди не говорят о себе, что они не хорошие.

На этот раз Е Лицин действительно согнула указательный палец и постучала костяшкой по голове Чу Лянь. Она была чуть ниже, поэтому ей пришлось приподнять руку, что выглядело так, будто она пытается пробить упрямый, толстый череп Чу Лянь.

— Чу Лянь, я не шучу. Я сама не понимаю, почему ты прожила восемь лет без происшествий, но однажды ты можешь столкнуться с... — голос Е Лицин стих. В её глазах мелькнула тревога — точно с таким же выражением мать Чу Лянь расспрашивала её о результатах пробных экзаменов перед выпуском.

Чу Лянь понимала, о чём она.

Ты восемь лет не умирала, но кто знает, что будет завтра? А если завтра всё закончится?

Будь двадцатилетняя Чу Лянь чуть более легкомысленной, она бы начала кокетничать, требуя, чтобы Е Лицин взяла за неё ответственность. Но Чу Лянь не была такой, да и не хотела быть.

Она на мгновение всерьёз испугалась слов Е Лицин. Если она умрёт, мать будет убита горем — так же, как в тот день, когда пришёл результат оценки драгоценностей; нет, даже сильнее, ведь её золотые украшения оказались настоящими. Отец тоже будет горевать, он человек мягкосердечный, настолько, что беспокоится, когда секретарша возвращается домой одна, и провожает её до самой постели. Линь Юйлин, может, поплачет пару минут, а потом растрезвонит на весь мир, что Чу Лянь играла её чувствами.

А что потом?

— Если я умру, сестрёнка Е, ты будешь грустить?

Е Лицин уже направилась к машине и потянулась к дверной ручке. Не оборачиваясь, она бросила через плечо:

— Постараюсь этого избежать.

Постарается избежать?

Е Лицин имела в виду, что постарается предотвратить смерть Чу Лянь, или что, если Чу Лянь умрёт, она постарается не грустить?

Чу Лянь надеялась на первое.

По точным расчётам Чу Лянь, они провели в убежище не больше минуты, хотя ей казалось, что она бродила у реки Царицын целый год. На обратном пути она сидела на пассажирском сиденье, вздрагивая при каждом переключении передач. Е Лицин переключала их с удивительной частотой; позже Чу Лянь подумала, что та, должно быть, долгое время водила старые машины, где нужно было дважды выжимать сцепление.

Когда машина спускалась с горной дороги, Е Лицин вдруг тихо произнесла:

— Мне нужно найти человека, который хочет увидеть мертвеца. Чистого сердцем человека.

<http://bllate.org/book/21516/2207294>